

ГЕРОИ ПЕРВЫХ ДНЕЙ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Проходят годы, уходят из жизни живые участники событий первых дней войны. Но в исторической памяти народа остаются их подвиги, о которых мы можем узнать по наградным листам, письмам, запискам, которые они писали в последние часы и минуты своей жизни.

Первыми удары фашистской армии приняли на себя пограничники. Потрясают подвиги пограничников, совершенные в первые минуты вражеского вторжения. События в полосе Западного фронта разворачивались самым трагическим образом. Еще в ходе артиллерийской подготовки немцы захватили мосты через Западный Буг, в том числе и в районе Бреста. Первыми пересекли границу штурмовые группы с задачей буквально в течение получаса захватить пограничные заставы. Однако пограничники сорвали эти планы. Они проявили необычайную стойкость и мужество. Не нашлось ни одной пограничной заставы, которая не оказала бы врагу упорного сопротивления. Вооруженные только винтовками и пулеметами, пограничники стояли насмерть. От Баренцева до Чёрного моря границу охраняли 715 пограничных застав, 485 из них подверглись нападению в первый день войны. Ни одна из этих застав не отошла без приказа. Немцам пришлось вводить главные силы дивизий.

Вот уже 10 часов вела бой с противником у с. Выдранка на берегу Западного Буга пограничная застава старшего лейтенанта Максимова. Немцы провели артподготовку, потом перешли в наступление. Но пограничники не сдавались. Последний из оставшихся в живых старшина Пархоменко, уже раненый, бросил гранату в проезжающую мимо немецкую штабную машину. Произошел взрыв. Вокруг разбитой машины валялись трупы немецких солдат и офицеров, среди них полковник и подполковник.

Пограничники 13-й заставы 90-го Владимир-Волынского отряда, которым командовал коммунист лейтенант А. В. Лопатин, сражались с врагом до 2 июля. Только после подкопа под здание комендатуры и его взрыва вместе с гарнизоном советских бойцов гитлеровцам удалось овладеть заставой.

Потрясает подвиг пограничников 17-й заставы Рава-Русского пограничного отряда, которые вели бой до последнего патрона. А когда боеприпасы кончились, воины заставы во главе с лейтенантом Ф. В. Мориным с пением «Интернационала» бросились в последнюю штыковую атаку [7, с. 155–156].

Все знают о подвиге защитников Брестской крепости, которая держалась месяц. Фронт в это время уже находился под Смоленском. Обороняли Брестскую крепость воины более 30 национальностей. Все последующие поколения советских людей наизусть знали надписи, сделанные защитниками Брестской крепости на каменных сводах, стенах, лестницах. Фотоснимки этих надписей стали достоянием музеев: «Нас было пятеро: Седов, Грутов И., Боголюб, Михайлов, Селиванов В. Мы приняли первый бой 22.VI.1941 – 3.15 ч. Умрем, но не уйдем!! И далее: «Умрем, но из крепости не уйдем», «Я умираю, но не сдаюсь! Прощай, Родина. 22.VII.41 г.».

Летом 1943 г. капитан Иоганн Вестман в Брестской крепости писал в дневнике: «Иногда ночью нас обстреливают русские, которые прячутся в казематах крепости. Говорят, их не больше пяти человек, но мы не можем их найти. Как им удастся жить там два года без воды и питья? Я этого не знаю».

Замечательным примером мужества и героизма стала также оборона Лиепайи на Балтике. Части 67-й дивизии под командованием генерал-майора Н. А. Дедаева, пограничники и моряки военно-морской базы, рабочие отряды, возглавляемые секретарями горкома ВКП(б) М. Я. Букой и Я. Т. Зарсом, вплоть до 1 июля сдерживали численно превосходящие силы врага. Гитлеровцы смогли захватить Лиепайю лишь после того, как советские войска исчерпали все возможности для ее обороны.

Перемышль оставили после тяжелых боев по приказу командования к концу 1-го дня войны. Но уже на следующее утро внезапным контрударом части 99-й стрелковой дивизии совместно с пограничниками освободили Перемышль и удерживали его в течение 5 дней [7, с. 156].

Солдатские письма, написанные в первые дни войны, свидетельствуют о том, что каждый день кровопролитной войны вызывал у тех фронтовиков, которые в первые дни надеялись на скорую победу, огромную внутреннюю работу по переосмыслению действительности. Они все более убеждались, что война будет долгой, упорной, страшной, мучительной, кровавой и беспощадной, но была огромная вера в победу. Об этом свидетельствуют два письма сержанта Александра Круглова, написанные родным 1 и 23 июля 1941 г. Первое письмо: «Здравствуйте, дорогие родители, братья и сестры!... За период с 22.VI по 1.VII пережил очень многое, но все трудности еще впереди. Свершилось такое ужасное дело. Война с Германией будет нелегкой, враг силен, и потребуются величайшие усилия, чтобы его разбить и уничтожить. Сколько моих друзей погибло смертью храбрых... Их имена войдут в века, как истинных героев народа. Прошу вас не горевать и не плакать, если погибну. Умирать буду за свое, народное, великое дело. Пусть помнит презренный враг, что не бывать ему на русской земле...» [6, с. 325]. И второе последнее короткое письмо: «Дорогие родители! Писать много мне сейчас нечего и некогда. Успехи неутешительные на фронте вообще, но в частности, дела обстоят благополучно. Прошу маму не плакать и не горевать». В 1939 г. Александр Круглов поступил в Вологодский педагогический институт. Но получить высшее образование не удалось – его призвали в пограничные войска, где он и его боевые товарищи первыми приняли удар врага на 10-й пограничной заставе [5, с. 91].

Даже врага поразила сила сопротивления воинов Красной армии. Так, начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Гальдер записал в своем дневнике 29 июня 1941 г.: «Сведения с фронта подтверждают, что русские всюду сражаются до последнего человека...». 6 июля Гальдер сделал следующую запись: «Из частей сообщают, что на отдельных участках экипажи танков противника покидают свои машины, но в большинстве случаев запираются в танках и предпочитают сжечь себя вместе с машинами» [7, с. 157].

В 1941 г. 5 воинов Красной армии грудью закрыли огневую точку противника. Как свидетельствуют документы, первым, кто закрыл своим телом огневую точку, был политрук танковой роты 125-го танкового полка 28-й танковой дивизии Александр Панкратов, бывший рабочий из Вологды. 24 августа 1941 г. в бою за Кирилловский монастырь под Новгородом он в ходе боя, израсходовав все патроны и гранаты, бросился на вражеский пулемет.

В 1942 г. 26 человек совершили аналогичный подвиг, в 1943 г. – до 27 февраля, до подвига Александра Матросова, – 13. Всего же за годы войны 204 человека, по данным историка А. Г. Куманева, совершили аналогичный подвиг. 133 из них удостоены звания Героя Советского Союза, остальные награждены различными государственными наградами [7, с. 157].

Уже в первые часы 1941 г. бессмертные подвиги совершили советские летчики. Между подвигами Д. В. Кокорева и И. И. Иванова, совершенными на разных участках западной границы, разница в 5 минут. На рассвете 22 июня в 4.05–4.15 Д. В. Кокорев совершил один из первых в истории Великой Отечественной войны воздушных таранов в окрестностях города Замбрув. Когда бортовое оружие новенького «мига» отказало, он крылом своего самолета срезал хвостовое оперение машины врага, приземлился на поврежденном самолете. Жена Екатерина Кокорева в первые дни войны получила от своего мужа письмо, в котором было написано: «Дорогая Катюша. 21-го получил от тебя последнее письмо и ответа дать не пришлось... Когда я слушаю последние известия по радио, то у меня от злости дрожат мускулы все и слезы капаяют из глаз. Но недолго этим извергам гулять по нашим полям. Нет и не будет вовек силы, которая могла бы победить Красную армию. Ты помнишь наш спор о “твердости характера? Кто кому должен уступить? И помнишь мои слова: “Я никогда и никому не уступлю”? Так и вышло. А что именно потом узнаешь... Дело произошло 22 июня на рассвете. Вот об этом и все. Твой Дмитрий». Прочитав письмо мужа, Екатерина Кокорева сразу не разобралась, что с ним случилось в то воскресное июньское утро, когда фашистская Германия вероломно напала на СССР. Из-за скромности командир звена 124-го истребительного авиационного полка младший лейтенант Дмитрий Васильевич Кокорев умолчал о том, что при отражении 22 июня налета фашистских бомбардировщиков одного из них уничтожил, применив таран [5, с. 65–66].

В течение неполных трех месяцев Дмитрий Кокорев совершил свыше 100 боевых вылетов, в которых лично сбил 3 фашистских самолета. 12 октября 1941 г., отражая атаки истребителей противника, ему удалось сбить еще один фашистский самолет. В том бою он погиб. Награжден орденом Красного Знамени [Там же, с. 67].

В то же тревожное утро 22 июня в 4.20 старший лейтенант И. И. Иванов близ Дубно, израсходовав боеприпасы, винтом своего И-16 срезал хвост вражеского самолета. 2 августа он был удостоен звания Героя Советского Союза. Погиб в 1941 г. Л. Г. Бутелин повторил этот подвиг в 5.15 над Галичем, П. С. Рябцев – в 10.00 над Брестом, спасая товарища, крылом

своего И-153 подрезал крыло вражеского истребителя. Приземлился на парашюте. Погиб 31 июля 1941 г. под Ленинградом. Через 42 года был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени посмертно. С. М. Гудимов, А. С. Данилов, А. И. Мокляк, Е. М. Панфилов... 18 летчиков совершили таран в первый день войны

Всего за годы войны было совершено 636 воздушных, 503 наземных таранов, более 60 танковых таранов, 14 раз командиры бронекатеров таранили немецкие подводные лодки, самоходные баржи с живой силой и техникой врага [7, с. 157–158].

Среди тех, кто совершил таран в годы войны, есть летчики, которые смертельным риском для жизни повторили этот подвиг дважды (17 летчиков), трижды – летчики-истребители А. Хлобыстов и Н. Терехин, четырежды – белорус Б. Ковзан (в 19-летнем возрасте совершил первый таран, в 20-летнем возрасте еще три тарана). Шестнадцать советских летчиков, получивших увечья в боях, продолжали громить врага. Многие из них летали без ног – Алексей Маресьев, Захар Сорокин и др. 25 октября 1941 г. Захар Сорокин в сумеречном небе Заполярья, сбив один самолет в бою, раненый в ногу, протаранил второй. Посадил машину в тундре, но два пилота протараненного «мессера» тоже сумели посадить свой самолет. В завязавшей перестрелке Сорокин сразил врагов, затем шесть суток добирался по тундре до своих. Он обморозил ноги, и ему ампутировали обе ступни. Однако он добился возвращения в строй и сбил еще шесть самолетов врага, в том числе одного аса из «Гордости Германии», потребовавшего показать ему «опытного русского аса», сразившего его. В комнату, на плохо гнущихся ногах, вошел молодой летчик – Сорокин. Переводчик объяснил, что парень воюет на протезах [Там же, с. 125; 3, с. 248]. А двадцатилетний орловский юноша Иван Леонов стал первым в мире безруким летчиком, Борис Ковзан – единственный летчик, который летал с искусственным правым глазом.

Среди первых Героев Советского Союза, получивших это звание уже летом 1941 г., и Виктор Талалихин, который прожил короткую, но яркую жизнь (1918 г.р.). Он принимал участие в советско-финской войне, был награжден орденом Красной Звезды. 22 июля 1941 г. младшему лейтенанту В. Талалихину довелось участвовать в отражении первого массированного налета гитлеровской авиации на Москву. С той поры налеты врага стали регулярными. Виктор Талалихин 7 августа 1941 г. совершил в небе над Москвой первый ночной воздушный таран, а 8 августа 1941 г. в газетах появился Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему высокого звания. Погиб 27 октября 1941 г. В этом же году погиб, защищая родную землю, и брат Виктора – морской летчик Николай Васильевич Талалихин. В авиации служил еще один брат Александр Талалихин. Сохранилось письмо Виктора Талалихина брату Николаю от августа 1941 г. : Дорогой Коля! ...Посылаю тебе мой братский привет. Ты уже, возможно, знаешь, что на подступах к Москве мне удалось сбить вражеский самолет. Советское правительство высоко оценило мою работу: мне присвоено звание Героя Советского Союза. Ну, что я такого особенного сделал, что удостоился

такого высокого звания? Ведь каждый на моем месте поступил бы так же. Не сомневаюсь, что и ты сделал бы то же самое... Сейчас лечу рану, навещаю родителей. С нетерпением жду момента, когда вернусь обратно в свою часть, чтобы снова бить ненавистную фашистскую гадину... Никакой пощады остервенелым фашистским бандитам!» [5, с. 273–274].

Екатерина Зеленко была единственной летчицей, совершившей воздушный таран в бою. 12 сентября 1941 г., оставшись одна против семи «мессершмиттов», она не вышла из боя, не дрогнула. Бомбардировщик против истребителей. Сбила один из них огнем, а затем направила свой подбитый самолет в лобовую атаку на другой. «Эх, Соня, как все изменилось! Какие планы были! Как хорошо было жить! А теперь война... Пишу письмо под крылом самолета. Вот-вот полечу на задание. Не беспокойся за меня... Привет от Павлика. Ваша Катя» – это письмо ею было написано сестре в первые дни войны. Тогда была и написана короткая записка мужу Павлу Игнатенко, с которым она связала судьбе незадолго до начала войны: «Дорогой Паша! Я уезжаю на фронт, пожелай мне удачи. Катя. Июнь 1941 года» [Там же, с. 55–56]. Екатерина Зеленко закончила Оренбургское летное училище в 1936 г., участвовала в боях с белофиннами. За проявленные отвагу и мужество в советско-финской войне была награждена орденом Красного Знамени.

За два с небольшим месяца войны Екатерина Зеленко совершила сорок боевых вылетов. Ее последний бой – воздушный таран – наблюдали жители села Анастасьевка Сумской области. Похоронил ее местный житель, старый солдат Мусий Маркович Ховенко. Фамилию же героини узнали из комсомольского билета, который хранила учительница Анастасия Павловна Марченко. Посмертно Е. Зеленко была награждена орденом Ленина. Спустя два года после гибели отважной летчицы жизнь за Родину отдал ее муж Павел Игнатьенко. В мае 1990 г. в честь 45-летия Победы Указом президента СССР Е. И. Зеленко присвоено звание Героя Советского Союза [5, с. 56–57].

Сохранилось несколько писем младшего лейтенанта Анатолия Климова, который 22 июня 1941 г. писал родителям: «Добрый день, дорогие родители! Вы уже, наверное, знаете, что началась война. Гитлер напал на нашу Родину. Он хочет отнять у нас свободу и жизнь. Что касается меня, то я до последней капли крови отдам свою жизнь за Родину, которой я принадлежу, за партию Ленина, которая меня воспитала. ...В данный момент патрулируем в небе под Минском, охраняем столицу Белоруссии. В воздушные бои еще не вступали. Но с часу на час ждем первого боевого крещения. Командиры у нас опытные, участвовали в боях на Халхин-Голе и в Финляндии, учиться есть у кого. Мама! Будь жива и здорова. За меня не беспокойся. Встретимся, когда сметем фашизм с лица земли. Сил для этого хватит. Анатолий».

В другом письме, написанном в июле из Москвы, где Климов был проездом, сообщается: «Боевое крещение получил, и ни одно. Ребята сражались героически. Немцы не страшны. Мы их били здорово. Ни один десяток самолетов нашли себе могилу на белорусской земле. Настроение боевое... Как бы тяжело не было нам, но победа будет за нами. Враг будет разбит».

Письмо от 7 сентября 1941 г.: «Помните, я писал из Москвы и обещал кое о чем сообщить вам. Правда, ничего особенного со мной не случилось, но немного пришлось побыть в серьезном деле». Далее младший лейтенант описывает, что он испытал уже в первые дни войны: «26 июня в одном из воздушных боев мой самолет подожгли, и мне пришлось выброситься из него на парашюте. Приземлился в болото, повредил ногу. Еле выбрался из него. Очнулся уже в лазарете. Долго лежать здесь не стал. Жаль было расставаться с товарищами. Решил уйти. Помогла мне медсестра. Она принесла обмундирование, и я ушел... 20 июля вернулся в часть. Дали боевую машину. Вместе с друзьями снова начал бить гадов. До чего ненавижу немецких солдат! Пролетая над полями и лесами, видишь всюду пожары: горят деревни, города, уничтожается народное добро. Наши летчики дерутся мужественно, до последнего дыхания. До встречи, мои дорогие. Анатолий. 7.09.41 г.». В последнем письме, написанном 14 октября 1941 г. родителям есть такие строки: «Бьем фашистских стервятников на подступах к Ленинграду. Врагу Ленинград не взять. Разве можно отдать колыбель революции! Бои идут ежедневно. ... Да, война идет такая, что компромисса ждать нельзя. Борьба идет смертельная. Но мы победим. Это мы доказывали не раз... Мы ведем священную войну и выиграем ее. Порукой этому – наша твердость духа, вера в торжество нашей победы. Придет такое время, мама и отец, когда окончится война, и мы вернемся домой. Это будет счастливое время. Но война есть война. Может всякое случится. Одно помните: ваш сын, комсомолец, никогда не дрогнет в бою и, если потребуется, отдаст свою жизнь за Родину. Всех целую, Анатолий» [5, с. 253–255].

28 июня враг захватил Минск. Под Минском было окружено около 30 дивизий из 44, имевшихся на Западном фронте. Лишенные централизованного управления и снабжения, они, однако, бились до 8 июля. Немецкая авиация наносила массированные удары по окруженным войскам. Из-за сухой погоды начались лесные пожары. Непрерывная бомбежка, артиллерийские обстрелы, гарь от пожарищ вынуждали людей метаться из стороны в сторону. Они предпринимали отчаянные попытки вырваться из этого ада, но снова и снова натывались на плотный артиллерийско-пулеметный огонь. И все-таки, как вынужден признать Гальдер, «часть окруженной группировки противника прорвалась между Минском и Слонимом через фронт танковой группы Гудериана». Одну из групп, которая объединяла несколько тысяч человек, возглавил командир 8-й артиллерийской противотанковой бригады И. С. Стрельбицкий.

До 10 сентября выходили из окружения воины Западного фронта. В конце месяца к реке Сож вышли остатки 13-го механизированного корпуса во главе со своим командиром генералом П. Н. Ахлюстиным. 1 667 человек, из них 103 раненых, вывел заместитель командующего фронтом генерал Болдин. Многие, кому не удалось выйти из окружения, стали сражаться с врагом в рядах партизан и подпольщиков [2, с. 144].

Солдаты и офицеры Красной армии, несмотря на катастрофическое начало войны, оказывали врагу упорное сопротивление. Жуков указывал на моральный фактор как на первое условие, которое не дало военным неудачам начального периода превратиться в непоправимую катастрофу.

Высочайшую оценку действиям советских войск в оборонительных боях 1941 г. давали многие руководители западных стран. Через две недели после начала войны 8 июля 1941 г. У. Черчилль в личном послании И. Сталину писал: «Мы все здесь очень рады тому, что русские армии оказывают такое сильное, смелое и мужественное сопротивление. Храбрость и упорство советских солдат и народа вызывают всеобщее восхищение».

Первые залпы «катюш» под Оршей были произведены 14 июля 1941 г. Те, кто видел их, не могли понять, что происходит в небе и на земле. Началась охота немцев за батареей капитана Флерова. Судьба первой артиллерийской батареи была трагической. Она попала в окружение в ходе Московской битвы. Немцы, пытаясь разгадать тайну нового советского оружия, двигались фактически по пятам колонны. В документах штаба фронта осталась последняя запись: «Связь с батареей Флерова потеряна». Развязка наступила 7 октября 1941 г. у деревни Богатырь в 50 км от Вязьмы. В деревне Богатырь немцы устроили западню для батареи Флерова. Вечером, нагрянув в деревню, они загнали всех жителей в дома, заставили погасить огни. Едва первая «катюша» въехала в село, как перед кабиной взметнулась ракета. Танки, показавшись из укрытий, перегородили дорогу. Завязался бой. Не раз фронтовики рассказывали о том, во что трудно поверить. Люди с увечьями еще бежали в горячке в атаку. Так было и здесь. Смертельно раненый капитан Флеров смог взорвать артиллерийские установки. У него оставалось всего несколько минут жизни, и он успел нажать на кнопку, чтобы взорвать секретное оружие. Долг человека перед Родиной оказался выше, чем страх за собственную жизнь. Из 170 человек батареи вышли из окружения только 46 минометчиков.

Поисковики долгое время после войны искали могилу артиллеристов, погибших в грозную октябрьскую ночь 1941 г. Жители села не смогли точно указать место захоронения. Они показывали на большое поле, где похоронили погибших. И только в октябре 1995 г. группе опытных поисковиков Владимира Горшкова из Вязьмы удалось найти останки капитана Ивана Флерова и еще 17 артиллеристов, погибших вместе с первыми «катюшами». Флерова опознали по знакам отличия. По черепу и скелету можно было даже определить, какие ранения он получил. Нашли сплюсненную записную книжку. В этой истории все трагично. Однако недаром древние видели в трагедии очищение души. Есть что-то светлое в известии из прошлого о капитане Флере. Он не предал и не продал. Немцы так и не сумели в годы войны разгадать тайну «катюш» [4]. Наступление группы армий «Центр» сопровождалось налетами авиации на Москву. 19 июля 1941 г. Гитлер подписал директиву № 33, в которой поставил задачу начать массированные воздушные налеты на Москву. Гитлеровцы стремились ударами с воздуха вывести из строя промышленные предприятия столицы, парализовать ее

жизнь, подорвать моральный дух населения и руководства страны, помочь танковым дивизиям овладеть городом. Первый налет на Москву фашистская авиация произвела в ночь на 22 июля, он продолжался 5,5 часов. В результате было повреждено 37 зданий, возникло 1 166 пожаров, пострадали 792 человека, из которых 130 были убиты. Бомбардировке подверглась и территория Кремля [7, с. 176].

Необходимо было дать достойный ответ. Именно тогда и родился дерзкий план ночных бомбардировок силами морской авиации Балтийского флота и 81-й дивизии. Было решено нанести ряд последовательных бомбовых ударов по ключевым военно-промышленным объектам Берлина. Первую авиагруппу сформировали из 20 экипажей Первого минно-торпедного полка ВВС Краснознаменного Балтийского флота, которым командовал полковник Евгений Преображенский. Этот полк базировался под Ленинградом. Тактический радиус действия самолетов ДБ-3 был меньше расстояния до гитлеровской столицы. Чтобы членам экипажей не оказаться в положении смертников, группу перебазировали на полевой аэродром Кагул на острове Эзель, расположенный в тылу противника (бои уже тогда шли под Таллинном и Ленинградом).

В ночь на 5 августа пять ДБ-3 под командованием капитана А. Ефремова (будущий Герой Советского Союза) произвели разведку. Враг явно не был готов к появлению советских самолетов в небе Берлина. Зенитки фашистов обстреливали их только на отходе от города, который был практически не затемнен.

После этого в ночь с 7 на 8 августа 1941 г. лучшие экипажи полка тремя группами во главе с Е. Преображенским (15 самолетов) после взлета с набором высоты взяли курс на юго-запад. На борту бомбардировщиков было около 10 000 кг фугасных и зажигательных бомб. На максимальной высоте миновали Штеттин. Впереди показались огни Берлина. Немцы еще и в мыслях не допускали, что кто-либо дерзнет добраться до их столицы. Экипажи вернулись без потерь. В приказе Сталина отмечалось: «Группа самолетов Балтийского флота произвела разведывательный полет в Германию и бомбила город Берлин. 5 самолетов сбросили бомбы над центром Берлина, а остальные на предместья города». Личному составу группы была объявлена благодарность, а каждому члену экипажа выдано по 2 тыс. рублей. Успех первого удара они повторили в следующую ночь. На этой дистанции хорошо себя зарекомендовали дальние бомбардировщики ДБ-3Ф. Задача морских летчиков облегчалась тем, что базировались они намного ближе к цели, чем 81-я дивизия.

81-й дивизии предстояло выполнить боевое задание в более сложных условиях: была утрачена внезапность, теперь немцы были не столь беспечны, их противовоздушная оборона была приведена в боевую готовность не только на подступах к Берлину, но и другим крупным центрам Германии, созданы несколько заградительных заслонов; дивизия еще не закончила процесс формирования; многие летчики не имели боевого опыта и не владели тактикой уклонения от зенитного огня, выхода из лучей прожекторов, не было надежной связи да и навыков управления группой самолетов в воздухе

у командира дивизии М. В. Водопьянова не имелось. По этим и другим причинам ставить боевую задачу командиру 81-й авиадивизии М. В. Водопьянову (учитывая огромный летный опыт М. В. Водопьянова, с началом войны он сразу назначается командиром авиационной дивизии тяжелых бомбардировщиков), Герою Советского Союза, получившему это высокое звание за спасение челюскинцев, гражданскому летчику, бомбить Берлин было преждевременным и ошибочным. В ночь с 9 на 10 августа группа полярного летчика М. В. Водопьянова бомбила Берлин, но менее удачно.

До 4 сентября самолеты 1-го минного торпедного полка и 81-й авиадивизии нанесли 9 ударов по Берлину [1].

Начало войны командир эскадрильи 40-го бомбардировочного авиационного полка коммунист капитан Алексей Григорьевич Рогов встретил на одном из приграничных аэродромов Ленинградского фронта в Прибалтике. Затем воевал на Южном и Западном фронтах. В те тяжелые месяцы каждый бой рождал новых героев. Одним из них стал капитан А. Рогов, совершивший за короткое время 60 боевых вылетов. Ведомые им экипажи наносили бомбовые удары по танковым колоннам противника, разрушали переправы, уничтожали вражеских солдат и офицеров. В короткие промежутки между боями Алексей Григорьевич отправлял письма с фронта жене Вере Тихоновне и сыну Эдуарду. Письмо датировано 7 июля 1941 г. : «Здравствуй, дорогая Верочка! Миллион раз целую тебя и дорогого сыночка Эдиньку... Пока вражеская пуля проходит мимо, но зато я это время работал. Думаю, что немалый урон нанес немцам. Береги сыночка и себя. Вы для меня так дороги, что потеря вас для меня теряет смысл жизни. Целую вас, Алексей». Письмо от 11 августа 1941 г. «Прелестная моя девочка! Приготовь себя к разлуке на весь 1942 год. Ранее разбить Гитлера вряд ли сумеем. Он сейчас силен и имеет опыт. За нами время. Возможно, что война закончится революцией в Европе, тогда еще год-два работать придется на установление власти. Разлука долгая, и ее надо пережить» (с. 305). В письме от 29 сентября значится: «Все трудности теперешней жизни пережить трудно, но они неизбежны. Надо чаще посещать Совет и райвоенкомат. Должны помогать всемерно эти две большие организации. Трудности послевоенного времени переживем, лишь бы скорее война закончилась и уцелеть бы. Ловчить в бою я не умею и не хочу. Всегда иду в бой с готовностью умереть. Эта готовность воодушевляет, создает бесстрашие на уничтожение как можно больше этой коричневой сволочи. Без этого война сейчас бессмысленна». Письмо от 5 октября оказалось последним. О боевых делах эскадрильи рассказывали центральные газеты: 6 августа «Комсомольская правда», а осенью 1941 г. газета «Правда» посвятила Алексею и его боевым товарищам такие строки: «Прекрасных результатов добилась эскадрилья, которой командует капитан Рогов. Летчики эскадрильи во главе со своим командиром нанесли существенный урон фашистским полчищам, наступающим на Москву, рассеивали и уничтожали вражеские танки, моторизованную технику, автомашины».

8 октября 1941 г., когда шли ожесточенные бои на подступах к Москве, капитан Рогов вылетел на очередное боевое задание. В полете бомбардировщик обстреляли вражеские зенитки – он загорелся. Но и в эти минуты своего последнего, драматического полета бесстрашный летчик сделал все, чтобы нанести урон фашистам: Рогов направил объятый пламенем самолет на вражеские танки, переправлявшиеся через реку Угру для удара на Москву с юго-запада. Подвиг офицера высоко отметила Родина. 22 октября 1941 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно). До этого отважный летчик был награжден орденом Ленина [5, с. 304–307].

Сохранилось письмо артиллериста Владимира Ивановича Гапоненко родителям, написанное 28 июня 1941 г.: «...Вы хорошо знаете, что все мои товарищи и друзья, вся молодежь и даже старшие защищают нашу западную границу. Поэтому вы несколько не волнуйтесь, что я тоже в ближайшие дни буду рядом со своими товарищами защищать нашу Белоруссию». Далее он пишет: «На днях у нас были внеочередные боевые стрельбы из пушек. Мое орудие заняло первое место во всем полку. Так что, если придется воевать (а это наверняка), то ни один танк, ни один пулемет противника не ускользнет от смертоносного огня нашей батареи... Целую всех, Володя». Родился в 1922 г. в деревне Заболотье Хойникского района Полесской (ныне Гомельской) области в семье колхозника. По окончании средней школы поступил в Минский педагогический институт, откуда в 1939 г. был призван в ряды РККА. Служил в г. Коврове. После этого было еще одно письмо, очень короткое – «солдатский треугольник». В нем Владимир Гапоненко сообщал, что после месяца боев их часть отправляют в тыл на отдых и переформирование. В дальнейшем никаких вестей не было. И лишь в 1952 г. после многих запросов в архивы и военкоматы из архива прислали извещение, в котором говорилось, что Гапоненко Владимир Иванович умер от ран в немецком плену 16 ноября 1941 г. [Там же, с. 47–48].

Первое и последнее письмо с фронта от 29 июня 1941 г. получили родители Бориса Оскаровича Раушенбаха, в котором он пишет: «Я жив и здоров, того и всем желаю. Да, вот и мне придется повоевать и основательно. Противник сильный, но мы его побьем, иначе не может быть. Пора проучить зарвавшихся фашистов, Гитлера с его компанией. Хочется скорее в бой, показать, на что способен советский народ, пусть помнят фашисты, мало им не будет. Сейчас все горят желанием бить без пощады их так, чтобы разгромить эту клику Гитлера и освободить человечество от таких тиранов. Вы поймите, как велико возмущение всех такими подлыми методами, которые делают немцы-фашисты». Далее Борис пишет: «Обо мне не беспокойтесь, за меня краснеть не придется, я честно буду драться за Родину, свою Родину, которая меня вырастила, Если надо будет, и жизни не пожалею, но дешево ее не отдам... Слез и уныния не надо, мама, все будет хорошо» [Там же, с. 48–49]. Он был старшим сержантом, наводчиком танкового орудия, ему оставалось служить три месяца, когда грянула война. Был убит 19 августа 1941 г. Но осталось письмо, которое свято хранится в семье.

Последняя командировка Дмитрия Михайловича Карбышева посвящалась инспектированию оборонительных инженерных сооружений вдоль западной границы. Его, генерал-лейтенанта инженерных войск, преподавателя академии Генерального штаба РККА, автора свыше 100 научных трудов по военно-инженерному искусству и военной истории, профессора, доктора военных наук, срочно привлекли к этому делу государственной важности, когда стало совершенно очевидно, что до войны с фашистской Германией остаются считанные дни. Из этой командировки он прислал несколько писем семье: «Вероятно, из Минска я скоро уеду. По возможности буду писать ежедневно, хотя твердо не обещаю. Не знаю, как позволит время и место... Папа. 9 июня 1941 года». Письмо от 17 июня: «Живу я тихомирно, вернее, не живу, а целый день трясусь на машине... Любящий вас всех – папа», 18 июня написанное письмо дошло до семьи, когда уже полыхала война [5, с. 40–41].

В начале войны он, тяжело контуженный, попал в плен. Гитлеровцы пытались купить советского генерала щедрыми посулами. Не добившись своего, ему стали угрожать карой. Но сломить дух патриота фашистам так и не удалось. 18 февраля 1945 г. в 65-летнем возрасте он принял мученическую смерть в Маутхаузене с другими советскими военнопленными. В сильный мороз немцы привязали к столбам догола раздетых военнопленных и стали обливать их холодной водой до тех пор, пока они не превратились в глыбы льда. Имя генерала Карбышева вошло в историю нашей страны как символ стойкости, преданности Родине и несгибаемости человеческого духа. В 1946 г. генерал-лейтенант Д. М. Карбышев одним из первых среди тех генералов, которые оказались в плену (их 83), был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Сохранилось единственное письмо Э. Р. Шарафутдинова, который погиб 6 июля 1941 г. под Жлобином. Письмо датировано 24 июня: «Дорогие мои Нюся, Эрик, все родные! Пишу вам с фронта. Дорогая моя Нюсенька и мой дорогой малюсеньский Эрик и все родные! Вот мы и заняли огневую позицию вблизи хутора Червоный Гай. Посылаю тебе аттестат на 2 250 рублей. Писать нет времени. Живем фронтовой жизнью. Извини, буду жив – буду писать. Прости, моя дорогая Нюсенька и сыночек. Береги сына. Желаю вам счастливо жить. Твой Риза Шарафутдинов» [Там же, с. 44].

Одним из неизвестных героев войны является Ишкватов Шайсултан Садриевич – мой дядя, родной брат отца (родился в 1921 г. в селе Ново-Кульчумово Саракташского района Оренбургской области). В 1940 г. Он был призван в ряды РККА, служил до начала войны в г. Чита. С началом войны их дивизию срочно перебросили в район Смоленска. Шайсултан Садриевич был пулеметчиком, и когда части Красной Армии отступали в районе села Красное, его оставили прикрывать отступающие войска. Односельчанин, который вместе с ним служил, написал письмо моей бабушке, после возвращения с фронта рассказывал, что дяде снесло снарядом черепную коробку. Он погиб 7 июля 1941 г. Ему было двадцать лет. Наша семья первая в селе получила похоронку. Мой дядя не успел написать ни одного письма

с фронта своей матери. Сколько было таких неизвестных героев в первые дни войны, которые даже не успели написать свое первое и последнее прощальное письмо домой [6, с. 323–329].

Таким образом, на основе анализа документов и последних солдатских писем, написанных в первые дни войны, мы можем утверждать, что многие солдаты и офицеры в начале войны проявили подлинный героизм, защищая Родину, но, к сожалению, из-за трагического начала войны, не всегда замечали их подвиги. Генерал-лейтенант Круковский, защитник Сталинграда в интервью, взятом 31 января 2008 г., говорил: «нас в начале войны мало награждали, поэтому свои боевые медали, полученные в 1941–1943 гг., я ставлю в один ряд с орденами 1944–1945 гг.».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Березнев, А. Т.* Высоты Водопьянова / А. Т. Березнев, В. Б. Поляков, Н. П. Селезнев, Ю. И. Чурилов. – Липецк, 2009.
2. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. – М. : Наука, 1998. – Кн. 1 : Суровые испытания. – 544 с.
3. *Жукова, Л. Н.* Выбираю таран / Л. Н. Жукова. – М. : Молодая гвардия, 2005. – 415 с.
4. Комсомольская правда. – 1995. – 18 окт.
5. Последние письма с фронта. 1941 : сб. – М. : Воениздат, 1991. – Т. 1. – 416 с.
6. *Хисамутдинова, Р. Р.* Последние солдатские письма с фронта : лето 1941 г. / Р. Р. Хисамутдинова // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России. Междунар. науч.-практ. конф. к 75-летию Победы Советского Союза над фашистской Германией. Оренбург, 23–25 апр. 2020 г. : сб. ст. / науч. ред. Р. Р. Хисамутдинова. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2020. – С. 323–329.
7. *Хисамутдинова, Р. Р.* Великая Отечественная война Советского Союза (1941–1945 годы) : военно-истор. очерки / Р. Р. Хисамутдинова. – Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2014. – 476 с.